

Илья Бояшов

Воспоминания о К. Д. Ушинском

Д. Д. Семенов (педагог):

До поступления своего учителем в Смольный я вовсе не был знаком с К. Д. Но имя его мне было известно. Я с наслаждением читал его увлекательно написанные в 1857–1858 годы статьи в «Библиотеке для Чтения»: «О Землеведении» К. Риттера, «Об американском воспитании» и в педагогическом журнале Чумикова: «О пользе педагогической литературы», «О народности в общественном воспитании», «Три элемента школы». С переходом Ушинского в Смольный имя его уже гремело в Петербурге. Мне было в то время всего двадцать пять лет. Я был начинающий, увлекающийся всем новым учитель географии в Первой гимназии и в только что открытом Мариинском женском училище; было у меня немало и частных уроков, дорого оплачиваемых; следовательно, в уроках я не нуждался. Но мне просто хотелось поближе сойтись с этим необыкновенным человеком, позаняться любимым делом под его руководством и влиянием. И вот, помнится, в марте 1860 года я как-то в воскресенье, рано утром, отправился в Смольный, где до того никогда не был. Долго я блуждал по обширным зданиям Смольного, пока, наконец, указали мне квартиру инспектора. Оказалось, что инспектор роскошного института жил в отдельном стареньком деревянном флигельке с мезонином, на берегу Невы.

Вхожу без всякого доклада. Ко мне выходит господин в халате, сухой, бледный, болезненный брюнет, но с черными выразительными и пронизывающими тебя насквозь глазами. Я начал просто:

— Я — Семенов, преподаватель географии в Первой гимназии и Мариинском училище. Я читал ваши статьи. Мне они очень нравятся. Я вполне разделяю ваши педагогические взгляды, и мне очень хотелось бы получить у вас в институте несколько уроков по географии.

— Извините, — отвечал сухо К. Д., — я принимаю в институт только учителей *лично* мне известных. При том я требую от своих учителей, кроме основательных знаний, непременно и *педагогического таланта*. Затем я решаюсь пригласить учителя лишь по прослушании, по крайней мере, десяти уроков.

— На последнее я согласен, К. Д., а чтобы вы ознакомились с моими педагогическими взглядами, позвольте попросить вас просмотреть кое-что из этих моих письменных трудов. Здесь вы найдете мою статью «О преподавании географии по идеям К. Риттера», предназначенную для Чумиковского журнала; программу курса, который я веду в гимназии; несколько подробных конспектов отдельных уроков; а вот тетрадь одной ученицы Мариинского училища...

К. Д. с видимой неохотой взял сверток и сухо попрощался.

Я уже считал свою мечту неосуществимой, как вдруг через два дня получаю лаконическую телеграмму: «Приезжайте ко мне немедленно. Ушинский».

Приезжаю и застаю К. Д. точно переродившимся, веселым, извиняющимся за сухой прием...

— Знаете, что? Я вас приглашаю учителем, но только не географии — на этот предмет у меня есть уже прекрасные преподаватели, а учителем русского языка и предметных уроков в двух низших классах; такого у меня еще совсем нет.

Как я ни упирался, а все-таки К. Д. убедил меня взять на первый раз семь уроков русского языка в VII и VI классах.

— А вашу статью о географии я напечатаю в «Журнале Министерства Народного Просвещения», — сказал он на прощание.

Таким образом Ушинский натолкнул меня на новую профессию и литературное поприще. Нечто подобное случилось и с покойным М. И. Семевским. И его Ушинский впервые направил на педагогическую и литературную дорогу.

Помню я, что, внимательно прослушав мои обязательные десять уроков, после одного из них, — урока по объяснительному чтению в VI классе (читалась и разбиралась басня Крылова «Зеркало и Обезьяна»), К. Д. пригласил меня в свой кабинет и беспощадно раскритиковал мой урок, не обращая никакого внимания на все мои возражения и оправдания. Наконец, я не выдержал и запальчиво проговорил:

— Ведь вы сами заставили меня преподавать русский язык, К. Д. Чем так горячиться, лучше научите меня, дайте сами при мне урок в том же классе.

— Хорошо! Я дам урок при вас, — ответил он довольно резко и после некоторого раздумья прибавил: — но вы рискуете потерять свой авторитет перед детьми, и я принужден буду с вами расстаться, хотя бы мне этого и не хотелось...

— Ну, что же делать, К. Д.! Видно, не судьба с вами служить, как мне это ни прискорбно.

На следующий урок Ушинский входит в класс задумчивый, серьезный; молча занимает мое место, а я сажусь в стороне. Десяти-одиннадцатилетние девочки стали читать басню Крылова «Трудолюбивый Медведь». Не успели дети кончить, как Ушинский стал горячиться, забрасывать детей вопросами о пользе и значении труда; испуганные девочки перестали отвечать и, наконец, расплакались. К. Д. бросает книгу о стол и со словами: «они меня не понимают: нет, уж лучше вы сами займитесь с ними», уходит с учительского места и садится на мое; урок закончился благополучно: девицы мало-помалу успокоились, стали отвечать, оживились... С тех пор мы сделали искренними друзьями. Ушинский убедил меня бросить совсем занятия в Первой гимназии и Мариинском училище и перейти на службу в Смольный, где я получил все уроки русского языка в двух низших классах, во всех отделениях на обеих половинах, несколько уроков по географии и сделался руководителем практических занятий специалистов по русскому языку. Мало того: он пригласил меня давать уроки русского языка своему сыну — Паше, мальчику чрезвычайно способному, с которым он сам занимался, но никак не мог сладить: горячился, доводил мальчика до слез, бросал урок и уходил в свой кабинет совершенно расстроенный. И этот самый К. Д. Ушинский, не могший учить ни своих, ни чужих детей, увлекательно читал лекции взрослым, дал русским детям прекрасные книги — «Детский Мир» и «Родное Слово», русским педагогам — капитальный философский труд «Человек, как предмет воспитания», подобного которому еще не было в нашей педагогической литературе, не говоря уже об отдельных педагогических трактатах, вошедших в собрание его сочинений, проникнутых любовью к русской семье и русскому народу. Да, К. Д. Ушинский на себе самом доказал истину, что можно быть выдающимся психологом и педагогом, и в то же время — плохим элементарным учителем.

Сформировав тесный педагогический кружок преданных делу новых преподавателей, Ушинский в первый раз со времени столетнего существования Смольного открыл учительские конференции с целью обсуждения новых программ и установления единства преподавания для лучшего его успеха. На таких же конференциях, с приглашением и дамского персонала заведения, решались переводы учениц и присуждались награды; между тем до него учителя вовсе не участвовали в суждении об успехах девиц и вообще играли какую-то

приниженную, второстепенную роль. Со времени Ушинского значение учителей выросло, поднялось как в глазах начальницы и классных дам, так и, в особенности, в глазах учениц.

Еще ценнее были для нас знаменитые *четверги* К. Д., на которые за просто собирались как мы, сослуживцы покойного, так и сотрудники «Журнала Министерства Народного Просвещения». В карты мы не играли, поздних ужинов тоже не было, — Ушинский был враг всяких излишеств, — а за чашкой чая толковали и спорили о новостях тогдашней литературы, о современных государственных реформах, одушевляющим образом действовавших особенно на хозяина, да и на всех его гостей; но больше всего говорили, конечно, о смолянских делах, о программах, методах, о разных педагогических вопросах и системах, которыми в то время интересовалось вообще все образованное русское общество. На этих же четвергах читались и обсуждались статьи для «Журнала Министерства Народного Просвещения», который при Ушинском получил исключительно педагогическую окраску и до того интересную и жизненную, что журнал стали читать и не одни только присяжные педагоги. Тут же К. Д. читал свои статьи, составляемые им для «Детского Мира», выслушивая и оспаривая замечания практиков-педагогов.

А в Смольном в это время происходила какая-то усиленная, лихорадочная, напряженная умственная деятельность. Смольный, точно сказочный русский богатырь после долгой столетней спячки, воспрянул духом и хотел наверстать потерянное время. Все, и учителя, и ученицы, казалось, спешили отличиться друг перед другом. Девицы, и большие и маленькие, стали учиться отлично; с каким-то захватывающим все существо вниманием следили они за каждым уроком своих преподавателей, как бы боясь проронить хоть одно слово. А с какой неподдельною охотою отвечали они на каждый вопрос преподавателя, какой восторг написан был на их свежих личиках, с какой изумительной аккуратностью приготавливали они заданные уроки и письменные работы!.. Так обаятельно подействовало на восприимчивые души воспитанниц живое слово после мертвящего, скучного, схоластического преподавания. И та же институтка, которая лишь год тому назад заботилась только о своей наружности, думала о танцах, мечтала о выездах и победах, в тишине ночи вздыхала и предавалась несбыточным иллюзиям, — теперь полюбила и чтение, и науку, и труд. «Таким-то образом, — пишет В. П. Острогорский, один из лучших биографов Ушинского, — благодаря энергии и таланту одного человека, в какие-нибудь три года совершенно обновилось и зажило новою, полною жизнью огромное учебное заведение, дотоле замкнутое, рутинное и не возбуждавшее в обществе никакого интереса. Всюду в Петербурге заговорили о Смольном и его необыкновенных учителях;

чиновники разных ведомств, многие, просто интересовавшиеся педагогическим делом, нарочно приезжали из города послушать удивительные уроки, особенно в младших классах». Сам Ушинский читал лекции в специальных классах обеих половин до того увлекательно, что приводил в восторг своих взрослых слушательниц, они его просто боготворили...

И во внутренней жизни Смольного произошли резкие перемены. Вместе с введением проекта Ушинского, по воле их императорских величеств, разрешено было отпускать девиц на вакационное время к родителям и ближайшим родственникам с целью поддержания родственной связи между воспитанницами для ознакомления их с жизнью той среды, в которую они должны будут вступить по окончании курса...

После уравнивания учебного курса обеих половин аристократки-николаевки перестали смотреть свысока, с высокомерием на мещанок-александровок, хотя давно уже Александровская половина утратила свой исключительно мещанский характер; но такова сила традиции... Теперь зачастую николаевки стали приглашать к себе в гости александровок, а александровки — николаевок. Ушинский настоял и на том, чтобы институтки сидели в классе в пелеринах, так как считал неприличным давать серьезные уроки перед рядами декольтированных девиц. Ушинский сильно вооружался против предварительного чтения классными дамами писем институток, посылаемых к родным и получаемых от них, так как, по его мнению, такой обычай убивал искренность в детях, подрывал в корне добрые семейные начала и с малолетства приучал институток ко лжи, притворству и лицемерию. Негодовал он также на то, что институткам запрещалось предлагать вопросы учителям даже во время урока, — точно учителя были какие-то опасные люди, которые не имели права разьяснять ученицам то, чего они не поняли и что хотели себе разьяснить. Он же положил начало ученическим библиотекам для каждого класса, где заводились книги, соответствующие возрасту и потребностям детей, с целью развить в них охоту к чтению.

Казалось, все шло хорошо, как вдруг, совершенно неожиданно, перед самой пасхой 1862 года К. Д. Ушинский вынужден был навсегда оставить Смольный, пробыв в нем всего только три года, с 1859 по 1862 год. Теперь еще рано говорить об истинных причинах удаления Ушинского из Смольного. Скажу только, что Ушинского сломали интриги лиц, не сочувствовавших широкой реформе женского институтского образования, как немало было в то время людей, не разделявших величайшего блага — освобождения крестьян. Упрекнуть К. Д. можно было разве в его болезненной раздражительности, в горячности и прямоте характера, в неумении идти к цели окольными

путями, в нежелании подлаживаться и заискивать расположения своих врагов. Но с полным убеждением, как его самый близкий друг, я могу засвидетельствовать, что Ушинский был искренно преданный правительству человек, глубоко религиозный и честнейший гражданин. Императрица Мария Александровна знала все это и не смутилась взять К. Д. под свое покровительство и в его несчастье. По ее воле, Ушинский был прикомандирован к Учебному Комитету IV Отделения собственной его императорского величества канцелярии с сохранением полного содержания: сверх того, ему дана была продолжительная командировка за границу с целью поправления совершенно расстроенного здоровья, осмотра заграничных женских учебных заведений и составления учебника педагогики для специальных классов.

Ушинского не стало!.. Но реформа его не умерла. Она продолжалась с некоторыми лишь несущественными изменениями, касающимися числа учебных часов и распределения предметов по классам. Мало того, реформа Ушинского постепенно введена и во все остальные институты империи. И теперь институтка не является уже каким-то анахронизмом на общем фоне современного русского общества. Она наравне с гимназисткой успешно работает на поприще семейной и общественной деятельности.

Преждевременная смерть не позволила Ушинскому закончить начатое им руководство по педагогике, но у меня сохранилась программа курса, которой он сам держался на своих лекциях и которая, сколько мне известно, нигде не была напечатана целиком.

Елизавета Водовозова (бывшая воспитанница Смольного института благородных девиц):

Ушинский рекомендовал ученицам записывать лекции за учителями. При новой системе преподавания избежать этого было довольно мудрено. Каждый учитель приносил с собою все, что было напечатано по его предмету наилучшего и популярного. Составляя лекцию того или другого учителя, слушательницы должны были пополнять ее прочитанным из указанных им книг. Так мы начали работать не только у преподавателя литературы В. И. Водовозова, но и у преподавателя географии Д. Д. Семенова, русской истории М. И. Семевского и у некоторых других. Если принять во внимание, что по каждому предмету воспитанницам приходилось чрезвычайно много читать и все прочитанное приводить в порядок, набрасывать конспекты и составлять лекции, то можно сказать без преувеличения, что при Ушинском мы работали совсем не по-институтски.

У нас шла до невероятности напряженная, лихорадочная работа. Каждую лекцию по очереди должны были составлять пять-шесть

воспитанниц, остальные делали то же по другим предметам, а между тем в послеобеденное время каждой приходилось готовить еще уроки по двум, а то и по трем предметам; вот почему большая часть девушек работала и по ночам. Самую лучшую работу учитель прочитывал в классе. Если воспитанница почему-нибудь не могла составить лекцию, она заявляла об этом учителю и должна была заняться ею в следующий раз. Никто не заподозривал ее в лени: работали прежде всего потому, что явился живой интерес к знанию, охвативший все наши душевные силы, все наши помыслы, но нельзя, конечно, отрицать и того, что известную роль здесь играли и соревнование, и боязнь осрамиться перед новыми учителями.

Когда к пяти часам кончались занятия с учителями и после обеда возвращались в класс, мы немедленно принимались за работу. Классным дамам не приходилось бранить нас ни за шум, ни за беготню по коридорам: в классе стояла полная тишина, прерываемая только шелестом переворачиваемых страниц и скрипом перьев. Такая же напряженная деятельность продолжалась и после чая, когда мы приходили ложиться спать. Как только классная дама уходила в свою комнату, мы снимали передники и платья и, закутавшись в платки, свертывали свои салопчики, клали их на пол у кроватей и садились на них. На наших матрацах мы размещали книги и карандаши, укрепляли свечку в самодельный подсвечник из картона и принимались за дело. Хотя в дортуаре стоял большой стол и скамейки, но они помещались у того конца спальни, где находилась комната дамы; к тому же лампы гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше. Если бы посторонний человек вошел ночью в дортуар, когда над кроватями торчали головы воспитанниц, склоненные над книгами, когда здесь и там уныло мерцали огоньки огарков, он мог бы подумать, что попал в какую-нибудь капеллу, где богомолки молятся у гробов с мощами.

Иметь свечку для ночи сделалось первою заботою. Наиболее услужливые из подруг каждый вечер разрезали перочинным ножом свою свечку на несколько частей и раздавали неимущим. Чуть, бывало, ночью раздастся шум из комнаты классной дамы — мы моментально тушим огни и полураздетые бросаемся в кровать, под одеяло. Ни усовещивания классных дам, ни их брань за ночные бдения не могли уничтожить этого нового обычая.

Можно себе представить, как дико было классным дамам, получившим воспитание в том же институте и прослужившим в нем по многу лет, смотреть на все то новое, что делалось тогда в институте! Лекции некоторых учителей воспитанницы обращали в живую беседу с ними, беспрестанно вставали со своих мест, спрашивая их то о том, то о другом.

— Зачем понадобилось Лермонтову загрязнить образ поэтической Бэлы («Герой нашего времени»)? Он не должен был представлять ее так,

что ради любви к Печорину она готова отказаться от родины и веры! Нравственная обязанность человека — всегда оставаться патриотом, — заявляет одна.

— Для любимого человека, — срывается со своего места другая, — можно все принести в жертву!

— Для такого, как Печорин, ничем не следует жертвовать: он бездушный эгоист... Таких, как он, следует выгонять из России!

— Но он самый привлекательный человек на свете!..

— Да побойтесь же вы Бога, господин учитель! Неужто о таких вещах вам дозволено рассуждать с воспитанницами, совсем еще девочками? — в ужасе обращается дежурная дама к учителю литературы.

— Да... да... пожалуйста, не мешайте! Это прекрасно, что они высказывают все, что думают! — простодушно отвечает учитель литературы и, не вступая в дальнейшие пререкания с классной дамой, переходит к обсуждению высказанного. Правда, нередко высказывались мнения до невероятности детские, даже дикие, но иными они и не могли быть у воспитанниц закрытого заведения. Учителя не только терпеливо, но даже с интересом выслушивали и обсуждали все, высказанное каждою из нас.

Однажды Ушинский пришел на урок Д. Д. Семенова и взял со стола тетрадь, в которой был написан очерк о Белоруссии, составленный одною из воспитанниц, — как по его лекции, так и по материалам, им доставленным. Ушинский отошел читать к окну, а Семенов вызывал учениц и спрашивал их из только что у него пройденного. Ушинский от времени до времени прекращал чтение и прислушивался к бойким ответам учениц. Когда раздался звонок, мы окружили их обоих плотною стеною и начали живо болтать с ними, не обращая внимания на присутствие классной дамы.

— Я никогда не сомневался, что при новой системе преподавания вы будете делать успехи... Но вы превзошли мои самые смелые ожидания! Я знаю, какого труда это стоит вам без привычки к усидчивой работе!.. — растроганно говорил Ушинский, тороватый на порицание, но очень скупой на похвалу.

Несмотря на работу, требующую большой затраты сил, мы не хворали. Правда, две воспитанницы из нашего класса сильно отставали от подруг, но одна из них всегда была болезненною и малокровною, а у другой умственное развитие шло вперед вообще весьма медленно. Ее фамилия была Быстроумова, и уже в дореформенное время она получила кличку Тихоумовой. В высший класс она попала случайно: перед выпуском она умоляла Ушинского оставить ее в седьмом классе, но он не соглашался, ссылаясь на то, что, хотя по отметкам она числится

не из последних, но все же в высшем классе ей трудно будет учиться. Настойчивые мольбы Быстродумовой в конце концов заставили его исполнить ее просьбу.

Девочка употребляла всевозможные усилия, чтобы не отставать от подруг, но стала прихварывать, часто жаловалась на головную боль, по неделям лежала в лазарете. Ее ответы учителям и особенно письменные работы были сравнительно с другими довольно плохи. Но сила влияния Ушинского отразилась и на ней. Года через три после нашего окончательного выпуска Ушинский как-то приехал ко мне и рассказал следующее: гуляя по улице, он прочел на одной из вывесок: «Школа» — и вошел в нее послушать урок, который уже начался. К нему вышла какая-то женщина, но он не спросил у нее фамилии учительницы, которая продолжала свою в высшей степени оживленную беседу с ученицами. Когда окончился урок, учительница (это была Быстродумова) повернулась в сторону Ушинского и вскрикнула от удивления, затем бросилась к нему и разрыдалась.

На другой день он получил от нее письмо, в котором она говорила, что накануне была взволнована неожиданною встречей с ним и не могла высказать свою признательность за все то добро, которое он ей сделал. Между прочим, она писала, что, если бы не его влияние, она после выпуска продолжала бы жить так же, как и вся молодежь в семьях ее родственников, мелких чиновников, где девушки ведут борьбу с родными не за право учиться, как в других современных семьях, а за право приобрести новую тряпку, чтобы пленить сердце чиновника, и продолжать такое же постылое существование, какое они вели в родительском доме. «И меня ожидала та же участь: ведь институт до Вашего вступления в него не возбуждал более чистых стремлений...»

Но я забежала далеко вперед. Нравственный облик институток совершенно изменился. Сами мы не замечали в себе перемены, кроме того, конечно, что прежде некоторые из нас зубрили уроки, другие решительно ничего не делали, а теперь все работали серьезно, многие даже со страстным увлечением. Не так относились к этому наши родственники: то одна, то другая воспитанница сообщала подругам, что ее брат, отец или мать поражаются происшедшей с нею переменой, говорят, что она стала серьезнее, мягче, благоразумнее. Их изумляло, между прочим, и то, что еще недавно их «институточка», не находившая темы для разговора с ними в часы свиданий, оживленно рассказывала им теперь о том, что она читает, забрасывала их вопросами, просила, вместо того чтобы купить ей духи, достать ей те или другие книги. Традиционное обожание исчезло, как по мановению волшебного жезла: никто из воспитанниц не вырезал на руках перочинным ножом инициалов имени того или другого учителя, никто не выкрикивал

глупых слов обожания, никто не обливал их одежду духами. Даже Ивановская, проникнутая общим настроением, не высказывала более своих восторгов относительно «неземной красоты» Ушинского. Обожание казалось нам теперь уже чем-то пошлым и неуместным. Вместо него у нас явилась родственная, духовная связь с учителями и самое дружеское отношение к ним. Мы искали встречи с ними, чтобы поболтать, и бежали к ним в каждую перемену между уроками. В наиболее либеральный период нашей жизни некоторые из учителей приходили даже в сад побеседовать с нами, передавали нам содержание виденных ими в театре пьес, знакомили нас с игрою известных артистов, с явлениями общественной жизни и со стремлениями лучшей части общества. Конечно, все это было крайне отрывочно, но все же будило нашу мысль, усиливало интерес к духовной жизни.

Ушинский: цитаты, афоризмы, высказывания

Никогда не обещайте ребенку, чего нельзя выполнить, и никогда не обманывайте его.

Воспитание — величайший вопрос человеческого духа.

Действительную воспитательную силу имеет только то воспитание, которое будет основывать свои правила на существенном мнении и вместе с ним жить и развиваться.

Воспитание, скромное по наружности дело, в то же время является одним из величайших дел истории, на котором зиждутся царства и живут целые поколения.

Леча больного, доктор только помогает природе; точно так же и наставник должен только помогать воспитаннику бороться с трудностями постижения того или другого предмета; не учить, а только помогать учиться.

Главнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение.

Для того, чтобы преодолеть чувство стыда, требуется иногда не менее геройства, как и для того, чтобы преодолеть чувство страха.

Самая важная часть воспитания — образование характера.

Воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а приготовить к труду жизни.

Дело воспитания такое важное и такое святое, именно святое дело. Здесь сеются семена благоденствия или несчастья миллионов соотечественников, здесь раскрывается завеса будущего нашей родины.

Пьяному и на светлой улице темно.

Внимание — единственная дверь нашей души.

Детским чувством, точно так же, как и детской мыслью, должно руководить, не насилуя его.

Быть справедливым в мыслях — не значит еще быть справедливым на деле.

Преподаватель должен иметь необыкновенно много нравственной энергии, чтоб не уснуть под убаюкивающее журчанье однообразной учительской жизни.

Почти все признают, что воспитание требует терпения, но весьма немногие пришли к убеждению, что, кроме терпения, врожденной способности и навыка, необходимы еще и специальные знания.

Искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, и иным даже делом легким, — и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком, теоретически или практически.

Если вы удачно выберете труд и вложите в него всю свою душу, то счастье само вас отыщет.

Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни.

Смелость — жизненная энергия души.

Страх есть самый обильный источник пороков.

Человек рожден для труда; труд составляет его земное счастье, труд — лучший хранитель человеческой нравственности, и труд же должен быть воспитателем человека.

Без личного труда человек не может идти вперед, не может оставаться на одном месте, но должен идти назад.

Воспитание не только должно развивать разум человека и дать ему известный объем сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которого жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой.

Свободный труд нужен человеку сам по себе, для развития и поддержания в нем чувства человеческого достоинства.

Дитя требует деятельности беспрестанно и утомляется не деятельностью, а ее однообразием и односторонностью.

Только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, и счастья.

Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях.

Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ.

Отдых после умственного труда нисколько не состоит в том, чтобы ничего не делать, а в том, чтобы переменить дело: труд физический является не только приятным, но и полезным отдыхом после труда умственного.

Воспитатель не чиновник, а если он чиновник, то он не воспитатель.

Лучше иметь одного хорошего воспитателя в школе, чем целый десяток отличных учителей.

Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы.

Самостоятельность головы учащегося — единственное прочное основание всякого плодотворного учения.

Вечно не стареющее детство души есть глубочайшая основа истинного самовоспитания.

Расширять свои знания можно только тогда, когда смотришь прямо в глаза своему незнанию.

Не уметь хорошо выражать своих мыслей — недостаток; но не иметь самостоятельных мыслей — еще гораздо больший; самостоятельные же мысли вытекают только из самостоятельно же приобретаемых знаний.

Страх телесного наказания не сделает злого сердца добрым, а смешение страха со злостью — самое отвратительное явление в человеке.

Любовь — единственное средство подчинить себе душу человека. Кто повинуется другому из любви, тот повинуется уже требованию собственной души и делает чужое дело своим.

Посредством любви можно так воспитывать дитя, чтобы оно привыкло безусловно повиноваться воспитателю без наказаний и наград.

Страх, не умеряемый смелостью, делает человека трусом; смелость же, не умеряемая страхом, производит гибельную дерзость и буйство.

Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер.

Важнейшим условием, повышающим работу памяти, является здоровое состояние нервов, для чего необходимы физические упражнения.

Страх — это самое угнетающее из человеческих чувствований.

Состояние bestолковой необузданного гнева так же губительно, как и состояние bestолковой доброты и нежности.

Голова, наполненная отрывочными, бессвязными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке и где сам хозяин ничего не отыщет; голова, где только система без знания, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надписи, а в ящиках пусто.

Ученье само по себе становится воспитанием только тогда, когда достигает высшей области науки, входит в мир идеи и вносит эту идею

через разум в сердце человека. Только на этой ученой, а не учебной ступени наука приобретает нравственную силу.

Для того чтобы воспитание могло создать для человека вторую природу, необходимо, чтобы идеи этого воспитания переходили в убеждения воспитанников, убеждения в привычки.

Педагогика — первое и высшее из искусств, потому что она стремится к выражению совершенства не на полотне, не в мраморе, а в самой природе человека.

Право на счастье составляет самое неотъемлемое право человека.